

ДОМИНИК ГОЛЬМАН

ЧУЖОЙ

На расстоянии одного дня пути от древнего города Смоленска, справа, на круто уходящей вниз стороне тракта Москва-Смоленск одиноко лежит деревенька Смолки. С дороги видны только поднимающиеся вверх столбы дыма над домами и немного в стороне стоящий большой деревянный дом, построенный в совсем другом стиле. На грани веков, когда девятнадцатый век передавал эстафету двадцатому, был он уже полуразрушен. Дом покосился, оконных рам не было, в крыше зияли дыры и была она похожа на разоренное воронье гнездо.

Митроха, парнишка лет тринадцати, известный в Смолках своей любознательностью – везде и всюду сует свой нос – однажды облазил весь этот дом, залез и на чердак, и там в углу под балкой нашел пакет. Скрепленные чёрными нитками бумажные листы были исписаны мелким почерком. Митроха пытался прочесть, складывая буквы в слова, но понял далеко не всё. Тем не менее он бережно сохранил эти листы.

Однажды я, будучи в Москве на семинаре писателей, жил в гостинице, где моим соседом по номеру был довольно разговорчивый мужчина, который и рассказал мне об этих бумагах. Путём разных обстоятельств они попали в его руки. А содержали они описание интересных событий из времён Наполеоновского похода на Москву. Я немного обработал эту историю и предлагаю её читателю.

* * *

Широкая без конца и края белая равнина. Такая ослепляюще белая, что глазам делается больно и плывут разноцветные круги перед ними. Человеческая фигура плетется, шатаясь, по этой бесконечной снежной равнине. В сущности, трудно узнать в этом существе человека – это что-то бесформенное, закутанное непонятно во что. Оно тащится, еле передвигая ноги. Спотыкаясь, падая на колени и вновь с трудом поднимаясь, бредёт покачиваясь дальше тяжёлым шагом. Полы изорванной тонкой шинели, не приспособленной для русской зимы, мотаются вокруг ног. Они закутаны в циновки из лыка, на голове что-то наподобие платка из грубой самотканой ткани. Там, у западной кромки неба, виднеется бледно-розовая полоска. Там, далеко-далеко отсюда, лежит его Родина. А он – маленький, крохотный осколочек победоносной армии, которая несколько месяцев тому назад шла с триумфом к Москве. Думает ли он теперь о том, как двигались они тогда без остановок, как отступали перед ними русские военные части, как убеждённые в своей победе французы уверены были, что скоро войдут в красавицу-Москву и будут торжественно праздновать победу?

Нет. Теперь у него мысли не об этом. Жалкий вид у него – окоченевшего, обессиленного, голодного. Каждый шаг доставляет ему несказанные боли в обмороженных ногах.

Много раз, совсем обессилив, он падал на колени, но снова, собрав все силы, поднимался и тащился дальше. Вперёд. На Запад. Домой. Хватит ли у него сил добраться до какого-нибудь человеческого жилья? Ах, хотя бы до хлева и, прижавшись к тёплому телу коровы или овцы, уснуть!

Много дней брели они вдвоём по заснеженной равнине. У невысокого косогора, поросшего кустарником, они решили отдохнуть, совершенно обессилив в дороге. Он отошёл на несколько шагов оглядеться вокруг – не видно ли жилья. Когда он вернулся к напарнику, то увидел его сидящим на корточках с головой, опущенной на колени, прислонившись к кусту... Нет! Нет! Только не заснуть! Он тронул напарника рукой за плечо: «Жак! Слышишь? Вставай, Жак!» Жак повалился на бок бездыханный...

Узкая розовая полоска исчезла. Сумерки спустились над полем. Ветер гонит снежную пыль перед ним, бросает ему ледяные кристаллы в лицо. Но он внушает себе:

– Не останавливаться! Ещё шаг, ну ещё один шаг! Может, это ещё не конец, авось, набреду на жильё...

Порой ему казалось, что далеко впереди мерцает маленький огонёк. Или это обман зрения? И вдруг учуял запах дыма! Горького дыма. Но каким сладким показался он ему при одной мысли, что где-то поблизости есть жильё!

... Окоченевшими руками стучится он в дверь и невнятно лепечет не раз уже произнесённое: «Шер ами»¹, прикладывает руку к груди и низко кланяется. Не раз уже за время его долгого пути какая-нибудь русская баба подавала ему ломоть черного хлеба и запечённую в золе картофелину. Но часто бывало и так, что в ответ на его просящие руки и слова он получал в ответ злой взгляд и грубый ответ. Как его встретят здесь??

Крепкая на вид крестьянка оглядела суровым взглядом стоящую перед ней фигуру в лохмотьях, кивнула головой, как это делает пугливая лошадь и уступила дорогу в хату. На мгновение замешкавшись, он робко переступил порог.

Кто знает, какие мысли проснулись в голове у этой суровой крестьянки. Какие думы зашевелились в её голове, когда она увидела это существо, похожее на огородное пугало. Может быть, она подумала: «Это же человек!» Возможно она вспомнила своего Семёна... Кто знает, куда забросила его солдатская судьба. Жив ли ещё? Осенью было уже пять лет, как его призвали. Тихон Коробов, который вернулся с деревянной ногой, сказал, что её Семён пал в Бородинском сражении... Прогнать этого бедолагу... Соседка точно его прогонит. И у Гаврилы он не найдёт приюта. А завтра его наверняка найдут на краю деревни замёрзшим...

Она указала ему место у печи. Закоченевшими пальцами он медленно разворачивал тряпье на ногах. Снял головной платок-тряпку. Густая чёрная шевелюра, чёрная борода, опухшие обмороженные щёки, робкий взгляд чёрных грустных глаз. Она наблюдала за

¹ Шер ами – франц.: милый друг

ним, стоя у окна. Он посмотрел на неё просяще, будто испрашивая разрешения, и поднеся руку к груди прошептал: «Шер ами». Она махнула рукой – продолжай!

Когда он стал снимать тряпье с ног, то невольно застонал. Обмороженные пальцы гноились. Вонючая жидкость капала с ног. Он сжал зубы, закрыл глаза и лицо его исказилось ужасной гримасой. Полный страдания стон вырвался из его груди. О, Боже! Сколько же боли может вынести человек! Как тяжка человеческая жизнь!

Гришка и Верка с печи наблюдали за чужаком, как два хорька, хихикали и шептались: «Шаромыга». Такие значит, они – шаромыги. Это слово с некоторых пор было всем знакомо.

Жалость заставила Дарью сделать что-то для этого бедолаги. Раз уж она впустила его в хату... Она принесла лоханку, поставила её перед чужаком и налила тёплой воды из глиняного горшка. Он опять приложил свою руку к груди и поклонился. Потом Дарья дала ему черепок с каким-то жиром и бросила ему тряпицу. «Эй, ты! Как тебя зовут-то?» – ткнула она его пальцем в грудь. Он, кажется, понял: «Симон». «Смотри-ка – Симон! По нашему, значит, будет Семён.»

Через какое-то время она позвала: «Симон! Иди!» – и показала на стол, где в деревянной чашке дымились горячие щи и лежала пареная свёкла.

* * *

Ночью Дарья слышала, как он стонал от боли. На освобожденных от вонючего гноя обмороженных пальцы была видна сырая плоть. Его мучили вши. Но, всё же, лежать у тёплой печки было так приятно, ощущение, которое он уже давно не испытывал.

Когда на следующее утро Дарья, после того, как задала соломы кобыле и худой корове, вошла в избу, Симон уже натягивал свою рваную шинель и заворачивал тряпье на шею. Дарья взглянула на него своим строгим взглядом. Он опять неуклюже поклонился и что-то пробормотал.

«Куда ты пойдёшь?» – прикрикнула она на него. «Смотри!» Она взяла его за руку и потащила к двери. На улице бушевала снежная буря, какие бывают только на Руси. Ветер выл, как стая волков, и швырял мелкие льдинки в лицо. Холод пробирался даже сквозь самую тёплую шубу. Дарья опять громко закричала и размахивая руками затащила его назад в дом. Лёгким толчком по направлению к печи она указала ему место. Он понял без слов.

К вечеру буря улеглась. Небо прояснилось и крепкий мороз заставил трещать брёвна избы. Дверная рама покрылась белым инеем, маленькие стёкла окна пропускали только слабый тусклый свет из-за толстого слоя льда на них. Весь день в избе было сумрачно.

К вечеру Дарья вышла задать корму скотине, лопатой отгребла снег перед дверью, принесла в деревянных обледеневших вёдрах воды из проруби, бросила охапку поленьев

перед печкой. На ночь надо было до отказа набить огромную пасть большой русской печи, на которой было место для всей семьи, чтобы тепла хватило до самого утра.

Два пацана в большущих овчинных шубах, подпоясанных простой верёвкой, вошли в избу и устали на Симона. Они шмыгали носами и вытирали носы рукавом. Им ещё не приходилось так близко стоять лицом к лицу с настоящим шаромыгой.

«Смотри! Борода у него как у попа, а в самом деле он шаромыга!»

«Эй! Убирайтесь вон!» – выпроводила Дарья пацанов.

Симон чувствовал себя неудобно, глядя, как Дарья хлопчет по дому. А тут ещё эти пацаны так устали на него...

В дверях Дарья столкнулась с Глафирой, которая пришла к подруге перемолвиться словом и узнать новости.

«Кто это у тебя? Что? Ночь тут провёл? И на нынешнюю ночь оставляешь? Дура!! Он же враг! Он же тебя ночью придушит! Избу запалит! Они же пол-Москвы спалили – эти изверги!»

* * *

Дарьян петух – настоящий горлан! Когда он после долгой ночи спозаранку послал соседскому петуху свой утренний привет, проснулась и Дарья, и поспешила в хлев к скотине. От тлеющих в печи углей запылила лучину, воткнула её в щель в еловых брёвнах, из которых построена изба, и поставила под ней лоханку с водой. Потом туго намотала на ноги портянки, обула лапти, привычно ловко обвязав портянки оборами, и надела фуфайку. Когда она повязывала голову грубым платком, взор её упал на лавку около печи. На мгновение Дарья застыла, лавка была пуста... «Все же ушел, француз. Сколько волка ни корми...» – тихо, как бы про себя, произнесла она. Выходя из избы, она подумала, как далеко он сможет уйти, пока злая судьба не настигнет его. Но, открыв двери хлева, она встала как вкопанная. Хлев был убран и чисто выметен. Корова жевала солому, у кобылы ясли полны корма, а овцы весело хрустели сушёными стеблями лебеды. Француз подвязывал скособочившиеся ясли, которые уже давно ждали умелых хозяйских рук. На скрип двери француз испуганно оглянулся, видно не знал, что скажет хозяйка на его самовольные действия... Некоторое время оба молча стояли друг напротив друга. Потом она согласно махнула рукой – ладно! – и пошла в избу.

Вечером она дала французам штаны и рубашку из грубой самотканой материи, показала на обутки из простой невыделанной телячьей кожи – его-то сапоги обнажили зубы, как две голодные волчьи пасти – и повела его к низкому строению без дымохода в дальнем углу двора. Из низкой двери густо валил дым и пар. Рукой показала ему на вход. «Как вход в чистилище», – подумал он, но здравый смысл человека говорил, что ничего плохого тут быть не может. За вечерней похлёбкой он сидел вместе со всеми за одним столом – высокий статный мужчина с чёрными усами и бородой, которую он немного подстриг,

живыми выразительными глазами, густым слегка волнистым чубом и сильными работающими руками.

Дарья была практичной крестьянкой. Её как осенило – этот француз может помочь ей весной при посеве. В конце концов, пахать и сеять, всё же, не бабья работа.

Симон скоро понял, что хозяйка его не прогоняет, что она ждёт от него помощи и старался вовсю. За пять лет без мужика хозяйство Дарьи расшаталось: и телега, и плуг, и грабли, и забор – всё нуждалось в хозяйских заботливых руках. А француз оказался из тех мужиков, что любят своим рукам работу давать. Его раны вскоре зажили, силы прибавились и... после суровой зимы придёт, наконец, весна, а там лето.

* * *

Вечер. Симон чинит хомут. Дети спят на печи. Он отложил готовый хомут и стал стелить себе на лавке около печи. Дарья возится с посудой. Потом она быстрым движением сняла сарафан, задула лучину, подошла к лавке, взяла его за руку и потянула наверх к себе на печь. Он замешкался – только на мгновение – потом послушно последовал за ней на полати.

А по деревне ходили сплетни. Как же любят бабы почесать языком. Не умолкали ни у колодца, ни у калиток. Везде, где только встречались две – тут же один разговор про бессовестную Дарью и её француза...

Клавка с коромыслом на плечах скороговоркой орала: «Сучка! Приворожила она француза. Он бы в мою дверь постучался, моя изба прямо у дороги. Да эта...» – тут она сказала слово, написать которое не поднимается мое перо, – «перехватила его, к себе завлекла!» Верка Зипуниха свояченице: «Посчастливилось дуре! Смотри, какой хозяин этот француз! Как он её хозяйство поправил. И красавец к тому же! Ну и что же, что чужой!»

Однажды пришёл поп и мягко, вкрадчивым голосом увещевал: «Послушай-ка, Дарьюшка. Не следует христианину так-то жить. Надобно соблюсти правила церкви. Научи его по-нашему креститься и приходите в церковь – я вас повенчаю да благословлю. Принесешь мне курочку-несушку или что ещё, и да благословит Вас Господь!»

* * *

Что было дальше? Симон показал себя настоящим хозяином и работающим крестьянином. Дарья помогала ему в этом. Родила она ему друг за другом трёх черноголовых здоровых сыновей, один лучше и крепче другого. Их чёрные глаза горели огнём! А смех зажигал весельем окружающих. Родители жили дружно, за что бы ни брались – всё им удавалось, всё ладилось! Два старших сына стали уважаемыми в деревне людьми. Они-то и построили тот большой дом на обочине дороги с двумя отдельными входами. Младший красавец-сын пошёл в армию, какая-то покровительница помогла ему поступить в военное училище. Отличился храбростью в боях за Севастополь и получил высокое офицерское звание.

Все они носили фамилию Симонихин – так поп при венчании записал их отца в церковной книге. Но в деревне их звали французами. Не дразня и не надсмехаясь, и потомки Симона на это не обижались.

А кто записал всё это на листки, которые нашёл на чердаке того большого дома Митроха – то нам неизвестно.